

*Гилберту Х. Глейзеру,
доктору медицинских наук
и заведующему кафедрой неврологии
медицинского факультета
Йельского университета,
с благодарностью и любовью*

Глава 1

В эту пятницу Гарри Маркем вместе со своей бригадой прибыл к месту работы ровно в семь утра. В кабине пикапа с ним сидел старший мастер Джим Ирвин; остальные рабочие ехали в кузове, устроившись кто как смог. Дом, который они подрядились ремонтировать, находился в пригороде Артармон на северном побережье сиднейской бухты, сразу же за заброшенным глиняным карьером. Заказ был небольшой, даже для такого мелкого подрядчика, как Гарри: от них требовалось оштукатурить бунгало из красного кирпича и к задней веранде пристроить спальную комнату. Время от времени Гарри охотно брался за подобную мелочевку, чтобы бригада не простаивала между более крупными контрактами.

Судя по приметам этого утра, выходные обещали быть жаркими и нескончаемо солнечными. Недовольно ворча, рабочие выпрыгнули из пикапа, нырнули под сень деревьев, отбрасывавших тени на ведущую к бунгало дорожку, и без всякого стеснения принялись переодеваться.

Вскоре из дома вышла хозяйка. В выцветшем розовом халате из синели по моде пятидесятых

годов, шаркающей походкой она шла по двору, крепко сжимая обеими руками ночной горшок с вульгарным цветочным рисунком. Голову ее усеивали поблескивавшие на свету металлические бигуди — тоже привет из пятидесятых. Современные средства завивки миссис Эмили Паркер не признавала — еще чего!

Двор полого спускался в усыпанный гравием карьер, который некогда был источником сырья для производства кирпичей, а ныне служил хозяйке удобным местом, куда она каждое утро опорожняла судно. Выросшая в деревне, миссис Паркер упорно придерживалась деревенских привычек и ночью ходила исключительно на горшок.

Как только его содержимое широкой светло-янтарной дугой устремилось на дно карьера, она обратила злобный взгляд на полуголых мужчин.

— Добрый день, миссис Паркер! — крикнул Гарри. — Сегодня, думаю, закончим!

— Давно пора, лентяи! — сердито отозвалась хозяйка и, ничуть не смущаясь, зашлепала по двору к дому. — Чего мне только не приходится из-за вас терпеть! Давеча мисс Хортон сетовала, что ее красавица герань вся сплошь покрыта цементной пылью, а венерин волос засох, потому что какой-то безмозглый болван накидал ей кирпичей через забор и сломал цветок.

— Если мисс Хортон — та старая дева с вечно недовольным лицом, что живет по соседству, — тихо сказал Мик Девин Биллу Нейсмиту, — готов

поспорить, кирпичи тут ни при чем: ее венерин волос засох давным-давно, потому что его никто не удобряет!

Не переставая громко ворчать, хозяйка исчезла в доме, а через несколько секунд рабочие услышали, как она энергично полощет горшок в туалете, затем спускает воду в унитазе и вешает горшок на крючок.

— Матерь божья, в карьере, наверное, трава уже зеленее, чем на лугах, — заметил Гарри осклабившимся товарищам.

— Странно, как она его еще не затопила, — ухмыльнулся Билл.

— По-моему, она слегка того, если хотите знать мое мнение, — сказал Мик. — У нее в доме два нормальных толчка, а она все в ночную вазу мочится. И это в наше-то время.

— В ночную вазу? — переспросил Тим Мелвилл.

— Да, дружище, именно так. Эта штука, которую каждый вечер ставят возле кровати, очень коварная: когда в спешке встаешь с постели, непременно попадешь в нее ногой, — объяснил Гарри и посмотрел на часы. — Так. Сейчас должна подъехать бетономешалка. Тим, ты иди встречай ее, а потом возьми из пикапа большую тачку и начинай подвозить нам раствор, ясно?

Тим Мелвилл с улыбкой кивнул и затрусил прочь.

Мик Девин, все еще размышляя о причудах хозяйки и рассеянно глядя ему вслед, вдруг расхохотался.

— О! У меня отличная идея! Слушайте, парни, во время перекура подыграйте мне, и, может, нам удастся просветить Тима насчет горшков и прочей фигни.

Глава 2

Мэри Хортон скрутила длинные, очень густые волосы в привычный пучок на затылке, для верности воткнув еще пару шпилек, и окинула взглядом свое отражение в зеркале — без радости, без сожаления и даже без особого интереса. Зеркало было хорошего качества — не льстило ей, не искажало внешность. Приглядись мисс Хортон к себе внимательнее, увидела бы невысокую коренастую немолодую женщину с гладко зачесанными назад бесцветными, как хрусталь, седыми волосами и квадратным суровым лицом с резкими, но правильными чертами. Косметикой она не пользовалась, считая, что тешить свое тщеславие — пустая трата времени и денег. Глаза темно-карие, взгляд цепкий, настороженный, придирчивый. Обычный наряд мисс Хортон, который ее коллеги воспринимали как нечто среднее между военной формой и монашеским облачением, состоял из накрахмаленной белой рубашки, застегнутой на пуговицы под самое горло, подогнанного по фигуре строгого полотняного пиджака и юбки ниже колен, широкой, чтобы не задиралась, когда садишься. На ногах — плотные компрессионные чулки и черные, со шнуровкой, туфли на массивных квадратных каблуках.

Обувь всегда была начищена до блеска; на белоснежной рубашке — ни пятнышка, ни крапинки; на безукоризненно отутюженном полотняном костюме — ни единой складки. Мэри Хортон стремилась — до одержимости — в любое время дня и ночи выглядеть безупречно. Молодая женщина, которая помогала ей по работе, клялась и божилась, что мисс Хортон, прежде чем воспользоваться туалетом, аккуратно снимает костюм и вешает на плечики, чтобы одежда не помялась.

Убедившись, что внешне она полностью соответствует собственным жестким стандартам, Мэри Хортон надела черную соломенную шляпку, быстро закрепив ее булавкой, натянула черные лайковые перчатки и принялась методично проверять содержимое своей огромной сумки: ключи, деньги, носовой платок, упаковка тампонов, ручка и блокнот, ежедневник, удостоверение личности, кредитные карты, водительские права, пропуск на автостоянку, обычные и английские булавки, коробочка с иголками и нитками, ножницы, пилка для ногтей, две запасные пуговицы для рубашки, отвертка, щипчики, кусачки, фонарик, металлическая рулетка с измерительной шкалой в сантиметрах и дюймах, коробочка патронов тридцать восьмого калибра и полицейский револьвер.

Стреляла Мэри Хортон метко. Она работала в горно-металлургической компании «Констебль Стил энд Майнинг», и в ее обязанности в том числе входило ездить в банк за деньгами. Однажды

она подстрелила грабителя, убежавшего с зарплатой работников компании, и с тех пор в Сиднее не было ни одного преступника, у которого хватило бы духу перейти дорогу мисс Хортон, когда та возвращается из банка. Сохраняя полнейшее самообладание, ни словом не выразив протеста, она столь спокойно отдала грабителю портфель с деньгами, что тот счел себя в полной безопасности. Но стоило ему отвернуться и броситься бежать, Мэри открыла сумку, достала револьвер, прицелилась и выстрелила ему в плечо. Сержант Хопкинс, работавший в тире полицейского управления Нового Южного Уэльса, утверждал, что с огнестрельным оружием Мэри Хортон обращается ловче, чем Сэмми Дэвис-младший¹.

В четырнадцать лет, оказавшись предоставленной самой себе, Мэри Хортон поселилась в приюте Христианской ассоциации молодых женщин, в одной комнате с пятью другими девушками, и устроилась продавцом в универмаг «Дэвид Джонс», где проработала до окончания вечерних курсов секретарей, а в пятнадцать поступила на службу в канцелярию компании «Констебль Стил энд Майнинг» на должность машинистки. Тогда Мэри Хортон была так бедна, что из одежды имела только одну юбку и одну блузку, которые тщательно стирала каждый день, а хлопчатобумажные чулки чинила так часто, что штюпки на них было больше, чем самой чулочной ткани.

¹ Сэмми Дэвис-младший (1925–1990) — американский актер вестернов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Не прошло и пяти лет, как Мэри Хортон за усердие, ненавязчивый спокойный нрав и поразительный ум перевели из канцелярии на должность личного секретаря гендиректора Арчибалда Джонсона, однако первые десять лет работы в компании она продолжала жить в приюте Христианской ассоциации, латая чулки и откладывая больше, чем тратя.

Когда ей исполнилось двадцать пять, она обратилась к Арчи Джонсону за советом относительно инвестирования своих сбережений и к тридцати годам во много раз увеличила первоначальный капитал. В возрасте сорока трех лет Мэри Хортон уже жила в собственном доме в благополучном пригороде, водила старомодный, но очень дорогой британский автомобиль «бентли» с салоном из натуральной кожи и орехового дерева, владела участком земли в двадцать акров с коттеджем к северу от Сиднея и заказывала костюмы у портного, который обшивал супругу генерал-губернатора Австралии.

Она была вполне довольна собой и своей жизнью, иногда позволяла себе маленькие радости, которые обходились отнюдь не в маленькую сумму, на работе держалась особняком и вела замкнутый образ жизни. Друзей ей заменяли пять тысяч книг, стоявшие на стеллажах в библиотеке, и несколько сотен пластинок — в основном с записями произведений Баха, Брамса, Бетховена и Генделя. Она любила возиться в саду, наводить порядок в доме, не смотрела телевизор и не хо-

дила в кино. И никогда не вступала в отношения с мужчинами и не хотела этого.

Остановившись на крыльце и рукой прикрывая глаза от слепящего солнца, Мэри Хортон с минуту оценивала состояние своего палисадника. Газон отчаянно нуждался в стрижке. Где тот поганец, которому она платила за то, чтобы он раз в две недели по четвергам подравнивал траву? Он не появлялся вот уже месяц, и еще недавно гладкий бархатный зеленый ковер теперь выглядел неухоженным. Досадно, очень досадно, посетовала про себя Мэри.

В воздухе стоял странный гул, — нечто вроде отдаленного «бум-бум-бум», — пробиравший до костей и предупреждавший бывалых сиднейцев, что сегодня их ждет очень жаркий день. На двух цветущих западноавстралийских эвкалиптах, стоявших по обе стороны от ворот, трепетали поникшие серповидные синие листья, словно деревья вздохами выражали протест против пульсирующего зноя; в удушающей массе желтых цветов на кустах акации деловито пощелкивали и трещали японские жуки. Пышные красные олеандры с обеих сторон обрамляли выложенную плиткой дорожку, которая вела от крыльца к гаражу.

Плотно сжав губы, Мэри Хортон пошла по ней, но едва поравнялась с первым восхитительно благоухающим кустом, тот взорвался таким пронзительным визгом и ором, что у нее зазвенело в ушах и закружилась голова. А потом на-

чалась дуэль, которая повторялась каждое утро и каждый вечер в летнее время года.

Поставив сумку на землю и сняв перчатки, Мэри Хортон решительным шагом направилась к аккуратно свернутому зеленому садовому шлангу, повернула до упора вентиль и принялась поливать олеандры. По мере того как кусты пропитывались влагой, шум стихал. Лишь из ближайшего к дому куста все еще доносился певучий бас цикады-хормейстера: «Брик-брик!» Покачав головой, Мэри погрозила насекомому кулаком и процедила сквозь зубы:

— Я еще до тебя доберусь, гадина!

«Бри-и-и-ик!» — насмешливо проверещала в ответ цикада.

Надев перчатки и подняв сумку, в тишине и покое Мэри прошествовала к гаражу.

С подъездной дорожки было хорошо видно, в каком безобразном состоянии находится некогда симпатичное бунгало жившей по соседству миссис Эмили Паркер. Поднимая ворота гаража, Мэри неодобрительно посмотрела на беспорядок за забором и устремила взгляд на тротуар.

Тротуары Уолтон-стрит радовали глаз. Каждый представлял собой узкую бетонную дорожку, которую отделял от обочины восхитительно ухоженный широкий газон. По обеим сторонам улицы через каждые тридцать футов высились, чередуясь по цвету — белый, розовый, красный, розовый, — громадные олеандры. Деревья были гордостью местных жителей, а Уолтон-стрит